

Брүтүгүр

С. Язев - Көнгүрүков

Сергей Язев-Кондулуков

Бригадир

«Издательские решения»

Язев-Кондулуков С. В.

Бригадир / С. В. Язев-Кондулуков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963083-4

Это небольшой рассказ о моём дедушке. Кондулукове Никите Григорьевиче. Всю войну он работал бригадиром на оборонном заводе. И после войны не проронил ни слова. По настоящему я узнал о нём из скупых рассказов отца, когда деда уже не стало. До этого я считал его предателем, а зря...

ISBN 978-5-44-963083-4

© Язев-Кондулуков С. В.

© Издательские решения

Бригадир

Сергей Васильевич Язев-Кондулуков

© Сергей Васильевич Язев-Кондулуков, 2019

ISBN 978-5-4496-3083-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Попей, попей, Степан, рабочему человеку, что да с устатку не выпить, – рыжий банщик, коротко хохотнув, подал Степану большую кружку пива.

– Уж больно оно у тебя крепкое, Ефим, – и Степан подозрительно взглянул на банщика, – подсыпал чего, али нет?

– Что ты, что ты, Степан, – и банщик состроил губы во что-то, напоминающее улыбку на своём длинном лошадином лице, – как с завода бочонок привезли, так сразу сюда и вкатили.

Степан, не спеша, отхлебнул пива, задумался.

– Вот ты скажи, дядя Ефим. – Степан снял прилипший листок со спины и вновь задумался. Затем, словно, очнувшись, посмотрел на банщика начинавшими соловеть глазами и, наконец, медленно размыкая губы, произнёс, – есть, любовь на свете или нет?

– Да к шутам её эту любовь, – банщик торопливо пригладил свои редкие рыжие волосы, – ты лучше про себя расскажи, про своё пролетарское житьё, а мы послушаем. – При этом он еле заметно подмигнул другому банщику чернявому внимательно слушавшему разговор.

– Нет, ты мне скажи! – Степан нетвёрдо ударил кулаком по струганному деревянному столу, – есть любовь на свете или нет?

Шёл 1939 год. Страна накрепко увязла в позорной советско-финской компании, которая послужила прологом к Великой Отечественной Войне. По улицам небольшого города Ч, где жил Степан, маршировали отряды комсомольцев, повсюду виднелись плакаты: «Ты сдал нормы ГТО». Аршинные заголовки газет клеймили троцкистов, бухаринцев, инженеров вредителей.

Враг начеку. Враг не дремлет, – кричали они.

А Степан сидел и пил пиво.

А виной тому были глаза Насти. Большие, круглые, неопределённо зелёного цвета, они доставляли Степану смутное душевное беспокойство, которое он тщетно старался залить пивом.

«Уж больно она серьёзная, – напряжённо размышлял Степан, смотря на бурую пивную пену, – к ней и не подкатишься».

Степан вспомнил свой последний неудачный визит к Насте и вздохнул.

Тогда он расфранченный, надушенный Шипкой подошёл к ней с двумя билетами в кино.

Он сжимал их в потной руке и не знал что сказать, тем более, что Настя оживлённо разговаривала с двумя молодыми рабочими.

Наконец он решился.

– Настасья Владимировна, – сказал он и зачем-то пригладил короткий чуб, – у меня вот тут имеется два билета на вечерний сеанс. Не хотите ли разделить со мной компанию.

На последних словах Степан споткнулся, сильно покраснел и, чтобы скрыть волнение, громко откашлялся.

Кашель видимо и испортил всё дело. Настя только стрельнула в него своими озорными глазами.

– Нет, я сегодня занята, Степан Петрович, – и отвернулась, будто Степана и вовсе не было.

Степан потоптался около неё несколько минут, сильно вспотел и окончательно убедившись, что симпатии Насти явно не на его стороне пошёл в баню, благо она находилась неподалёку от завода.

Он уже порядком осоловел. Глаза Насти так и жгли так и манили его. А тут банщик, словно оса вился со своими дурацкими вопросами.

– Да отстань ты, слепень, – вяло отмахивался от него Степан, – ну завозят новые станки, ну перешли на новую продукцию. Да в этом ли всё дело. А если у человека Любовь, Любовь, – и Степан с силой рванул на себе простыню.

– Пойдём, Степан, – и рука бригадира жёстко и твёрдо легла на плечо Степана, – поздно уже, а до дома путь неблизкий, что дядя Лукаша то скажет?

– А что скажет, то и скажет. Ты Никита Григорьевич в мои дела не лезь, – Степан угрожающе взглянул на него. – У тебя есть семья, вот и иди к ней.

– Дурак, ты, Степан, – и Никита презрительно сплюнул.

– На свои гуляю, – проговорил уже совсем пьяный Степан, – как прописано в конституции, так и гуляю после работы.

– Ладно, – Никита медленно поднялся из-за стола, – на работу придешь пьяный, выгоню. Ты ведь знаешь меня.

– Иди! Иди! Ишь учитель выискался! – Проворчал Степан, – Степан себе цену знает.

– Уж больно она у тебя невысока, – улыбнулся Никита, – пять кружек пива. – Сколько с меня? – сказал он, обращаясь к банщику.

– Сейчас, сейчас, Никита Григорьевич, – банщик подобострастно согнулся, и его тонкие сухие губы расплылись в нечто, изображающее улыбку. Затем они вновь приняли прежнее выражение, и уже строгим официальным тоном он произнёс, – один рубль двадцать пять копеек.

Расплатившись, Никита вышел из бани.

– Что-то не нравится он мне, – думал Никита, вдыхая всей грудью прохладный апрельский воздух, – и улыбка какая-то поганая, как будто приклеенная ко рту.

Никита шёл широко, по мужицки, подставляя разгорячённое лицо свежему вечернему ветерку, смотрел на первые звёзды, дружно высypавшие на небе, думал о своей Анисье, о заводе, на котором он зарабатывал свой нелёгкий рабочий хлеб.

Вот и показались первые огоньки, и на сердце Никиты стало теплее.

– На этот раз вроде обошлось без приключений, – подумал он, дергая ручку калитки.

– Жив, здоров? – и навстречу ему выбежала Анисья.

– Жив, но не здоров, – улыбнулся Никита, стирая невидимую паутину со лба.

– Устал я немного, Анисья, ты бы мне, что на стол поставила.

– Сейчас, сейчас, – захлопотала Анисья и подала ему отварной картошки в мундире, душистый чёрный хлеб и ароматного ещё тёплого молока, надоенного от своей Пеструшки.

Никита неспешно уселся за стол. Анисья присела тут же рядом на краешек табуретки и, развернув газету, стала читать.

– Грамотная она у меня, – и Никита улыбнулся.

Поев, он откинулся на спинку деревянного стула и его тут же облепили дети. Старший Сашок с большими, не по детски серьёзными глазами, младший Васятка в одной детской рубашке и Галинка.

Никита любил детей. Любил прикосновение нежных детских рученок, их неясный лепет.

– Фу, папка, как от тебя плохо пахнет! – И Галинка со смехом вскарабкалась на колени к отцу.

– Это не я, это завод так плохо пахнет, – улыбнулся Никита. Он тщательно мыл руки после работы, но проклятый запах креозота, на заводе, где работал Никита, делали снаряды, всё равно не оставлял, всё преследовал его.

– А большой завод, где ты работаешь папка? – теребила его Галинка.
– Большой, – улыбался Никита, бережно собирая со стола хлебные крошки.
– А какой большой, – не отставала Галинка.
– Ну, вот представь себе наш дом, – Никита ласково погладил её по белокурым волосам, – большой он?

– Большой, – серьёзно отвечала Галинка.
– А теперь представь себе сто таких домов, нет тысячу!
– Большой, – вздыхала Галинка и отходила от отца.

Но через минуту снова возвращалась.

– А как ты пошёл на завод папка?
– Как, как, – отшучивался Никита. – Нужно было, да и пошёл.
– А ты расскажи, расскажи, как ты пошёл, – и Галинка доверчиво взглянула на него.
– Как?

И деревянная ложка застыла в руках Никиты. Весь он как-то выпрямился, а глаза стали отрешёнными и далёкими.

Поздняя осень или ранняя зима, нечего нельзя было понять в том сумасшедшем году. Мягкий пушистый снег и раскисшая земля под ногами. Вечерело. Уже готовились спать. Мать, как обычно, помолившись перед сном под образами, уже задувала лампадку.

Вдруг постучали. Громко и нагло. Как к себе домой.

– Продразвёрстка, – и мать тяжело вздохнула.
– Открывай! – Грубый стук в дверь, от которого она едва не сломалась. – Открывай!

Колотили рукоятками трофейных маузеров, сапогами.

Только и успев накинуть, на ночную рубашку платок, мать выбежала во двор.

Их было трое. Двое в кожанках и пистолетами на боку. Третий здоровый коренастый детина в рваном зипуне, из которого клочьями вылезал мех.

– Где зерно, мать? – спросил высокий в кожанке, видимо, старший из них.

– Да нет зерна, соколики, – и мать Никиты, поёживаясь от студёного ветра, виновато развела руками.

– Нету, говоришь? – Криво улыбнулся второй в кожанке приземистый и широкоплечий. – Это мы сейчас проверим. – Давай Фёдор пощупаем кулачиху, – и он подмигнул высокому парню в рваном зипуне.

– Это мы завсегда можем, – и Фёдор шагнул вперёд.

– Не дам! – И мать Никиты рванулась к амбару, куда было ссыпано зерно, – не дам ироды. Креста на вас нет! Чем я детей кормить буду?

– Дашь! – Фёдор грубо и сильно отшвырнул её.

Падая, мать Никиты больно ударилась о край амбара, и тонкая полоска крови показалась на её щеке.

– А вот оно кулачихино добро! – Фёдор мелко засмеялся, обнажая в улыбке кривые, гнилые зубы. – Дашь! – И он шагнул к матери Никиты. – Дашь! – повторил он с ненавистью. – А не дашь. Так мы всех вас как контру, как классового врага к ногтю. Раздавим как вшей! – И он с наслаждением провёл большим пальцем по своему желтому ногтю, коричневому от махорки.

Видно, какая-то болезнь исподволь точила его сильный организм, так как, несмотря на свой высокий рост и широкие плечи, он долго, с побряхтыванием, устанавливал мешок на спине и шёл с ним к телеге осторожно, точно слепой.

– Давай, поторапливайся! – Крикнул высокий Фёдору, – нам ещё пять дворов обойти надо. Солнце вишь, к закату клонится.

Фёдор забегал быстрее. Но это давалось ему тяжело. На его крупном с оспинами лице выступили капельки пота.

– Всё что ли? – спросил высокий у Фёдора.

– Все товарищ Ананий! – подобострастно ответил Фёдор, – хотели схарчить целых четыре мешка, а это верных 10 пудов будет.

– Ну, трогай! – Высокий, в кожанке натянул вожжи, звонко чмокнул губами, и телега, увязая колесами в холодной прокисшей земле, тяжело заскрипела.

Без сил мать прислонилась к двери.

– Пойдём, мама! Поздно уже, – Никита мягко тронул её за плечо.

– Да-да сынок! – И мать взглянула на него невидящими глазами.

С той поры мать Никиты и занемогла. Мороз её прохватил, или за детей она переживала. Но у неё начала мелко трястись голова, а тело сотрясал глубокий нутряной кашель.

Никита, как мог, ухаживал за ней. Поил отваром из берёзовых почек, который посоветовала знакомая старуха.

Зарезал барана и по совету той же старухи вытопил из него жир и с ложечки поил им мать.

Ничего не помогало. Мать таяла на его глазах как свечка. Весной, когда из земли показались первые подснежники, она умерла.

И остался Никита один. Отец ещё раньше погиб в гражданской.

– Бедовый он у тебя был, – частенько говорила мать Никиты, когда он после тяжёлых трудовых буден зажигал керосинку и садился вместе с матерью смотреть фотографии.

Никита осторожно трогал своими чёрными от земли пальцами фотографии с затейливыми вензелями на обороте.

– Это мы в Самаре, – говорила мать Никиты, показывая на молодого вихрастого парня, который был чуть постарше Никиты.

Никита переворачивал фотографию и по складам читал:

– Частная фотография А. П. Никонова.

Несмотря на то, что Никита почти, не учился в школе, – некогда, да и не к чему мне это, – отмахивался он, – кто младших-то кормить будет. Мать всё же выучила его читать и писать.

Мать у Никиты была грамотная и работала воспитателем в доме, который остался от сбежавшего в революцию помещика.

С другой фотографии на Никиту смотрел уже молодой мужчина с выбритыми до синевы щеками. Рука его покоилась на эфесе шпаге. А заливчатский чуб прикрывала высокая папаха.

– Кавалерист он у тебя был, Никита, – говорила мать и смахивала набегавшую слезу, – бедовый и погиб геройски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.